

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

П Р И Б А В Л Е Н І Я
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХИАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 15.

1-го Августа

1877 года.

СЛАВЯНИНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ,
какъ реформаторъ Европейской школы,
и его «opera didactica».

по поводу перевода „Великой дидактики“ Коменскаго въ
журналь („Семья и Школа“).

§ 1. Эллинъ Сократъ ¹⁾ и Славянинъ Коменскій—вотъ

¹⁾ Покойный Юркевичъ выразился: Платонъ. Но мы думаемъ, что это болѣе принадлежитъ Сократу, хотя болѣе, или менѣе оплатонизированному; ибо, по нашему мнѣнію, подтвержденіе котораго мы находимъ у Шлейермахера въ его глубокомысленномъ очеркѣ о значеніи Сократа, какъ философа, а обстоятельное развитіе представляетъ новѣйшій философскій опытъ о Сократѣ (Socrates Versuch uber ihn nach den Quellen. Von Alberti Dr. Göttingen. 1869 г.) Платонъ былъ въ существенномъ не исключая педагогической теоріи, изложенной въ гениальномъ въ этомъ отношеніи (педагогическомъ) діалогѣ: «государство», былъ только просто излагатель и истолкователь идей Сократа, болѣе или менѣе конгеніальный съ нимъ. Но крайней мѣрѣ, Платоновскаго Сократа отнюдь нельзя считать лицомъ фиктивнымъ, но для каждой черты его и для каждою мнѣнія, приписываемаго Сократу Платономъ, должны быть основанія въ фактахъ. См: нашу статью: «Значеніе Сократа, какъ философа—педагога. Журналь Министерства Народ. Просвѣщенія 1871 г. книг. 3 и 4.

двѣ основныя педагогическія эпохи, которыя внесли въ педагогическій міръ новыя и высшія начала. Эллинъ Сократъ,²⁾ былъ первымъ основателемъ педагогическія науки о законахъ образованія нравственнаго человѣческаго характера и первый приложилъ къ жизни идею *гуманнаго* воспитанія. Впервые же постигъ, развилъ и примѣнилъ къ школѣ идею *христіански*—гуманнаго воспитанія славянинъ Амосъ Коменскій. Этотъ, по выраженію Раумера, несравненный, необыкновенный мужъ есть истинный преобразователь ново-Европейской школы и творецъ христіанской педагогики, универсальныя идеи которой заключаютъ глубокія основы всѣхъ современныхъ улучшеній въ дѣлѣ школы и прозорливыя указанія на формы еще далекаго будущаго развитія на почвѣ педагогической. Новой эпохи, которая была бы независима отъ генія Сократа, или отъ генія Коменскаго, не было въ исторіи педагогической науки.

§ 2. А эпоха Песталоцци? По выраженію его послѣдователей, онъ-то и пророкъ, такъ что вся новѣйшая педагогика есть развитіе идей Песталоцци. Песталоцци окончательно утвердилъ *натуральный* принципъ воспитанія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ развитіи человѣческой природы! „И не принадлежа къ сектѣ поклонниковъ, которые, конечно, изъ почтеннаго чувства національной гордости, создали изъ Песталоцци какой-то педагогическій кумиръ, для которыхъ тьмы истинъ дороже насъ возвышающій обманъ, (Пушкинъ) мы съ полною моральною свободою чтимъ святуя ревность этаго мученика безкорыстной любви къ просвѣщенію бѣдныхъ дѣтей народа, чувствуемъ величіе того подвига, для котораго онъ всецѣло жертвовалъ собою и въ его педагоги-

---

²⁾ Смотри въ указанной выше нашей статьѣ вторую главу: «Сократъ, какъ Педагогъ».

ческихъ творенiяхъ, исполненныхъ этой святой любви и возбуждающихъ ее въ читателяхъ, встрѣчаемъ энергическія исканiя и требованiя методовъ воспитанiя, сообразныхъ съ естественнымъ развитіемъ человѣческой природы. Этимъ духомъ любви, этою энергіей самоотверженiя, поразительнымъ забвеніемъ личныхъ интересовъ, страданiями и терпѣніемъ— великъ былъ Песталоцци, какъ Сократъ, Коменскій, Франке, Фребель и другіе. Но любовь нуждается въ мудрости, какъ энергія жизни въ спокойномъ свѣтѣ, и въ этомъ отношенiи Песталоцци былъ самый слабый, самый несовершенный педагогъ въ ряду поименованныхъ, какъ Коменскій наоборотъ былъ самый могучій и совершеннѣйшій педагогъ въ томъ же самомъ разрядѣ великихъ героевъ. Ибо, въ чемъ же собственно значеніе Песталоцци, какъ творца и преобразователя педагогической науки? „Когда я оглядываюся назадъ, говоритъ самъ Песталоцци, и спрашиваю себя: что же собственно сдѣлалъ я дляущности человѣческаго обученiя, то нахожу, что я установилъ высочайшее, верховное начало обученiя, признавъ созерцаніе (наглядность) за безусловный фундаментъ всякаго познанiя.“ Вотъ педагогическій новый міръ, который открылъ Песталоцци, по его, конечно, искреннему, какъ всегда, признанiю, что приписываютъ ему же все его послѣдователи, изъ которыхъ Магеръ прямо утверждаетъ: Песталоцци открылъ чувственное созерцаніе. Не диво, что самъ Песталоцци, незнакомый съ исторіею педагогики, но по геніальному чутью напавшій на слѣдъ давняго открытiя, принялъ его, какъ новость. Но какъ объяснить, что его послѣдователи и комментаторы, владѣющіе обширнымъ педагог. образованіемъ, не замѣтили, что Колумбомъ этого новаго педагогич. міра былъ за сто лѣтъ прежде Песталоцци— славянинъ Амосъ Коменскій, который дѣйствительно первый не только яено высказалъ, но философски обосновалъ, си-

стематически разработать и блистательно примѣнить къ практикѣ *cozercanie*, какъ основной принципъ всякаго обученія ³). Въ такой простой наукѣ, какъ астрономія, пишетъ Юркевичъ, не можетъ быть перенесена на другое лицо заслуга Коперника, не смотря на то, что Коперникъ былъ славянинъ. Педагогика гораздо сложнѣе и гораздо темнѣе астрономіи: здѣсь національное пристрастіе историка не замѣтитъ что и Коперникъ педагогическаго космоса есть также Славянинъ, котораго одна *частная* идея была достаточна для того, чтобы сдѣлать имя нѣмецкаго Песталоцци безсмертнымъ въ исторіи педагогики ⁴).

§ 5. Предлагаемый очеркъ о значеніи Коменскаго составлялъ первоначально предметъ бесѣдъ въ кругу людей, заинтересованныхъ дѣломъ воспитанія и обученія. Издавая нынѣ эти бесѣды, безъ всякой претензіи на новое слово о

---

³, Определенію и развитію идеи наглядности въ обученіи посвящается особая цѣлая глава въ *Magna didactica*—XX о методѣ наукъ. *Orbis pictus* представляетъ первую, и какъ увидимъ доселѣ не превзойденную попытку осуществить эту идею въ практикѣ обученія. Замѣчанія о значеніи наглядности, какъ элементарной методы, разсѣяны по всей дидактикѣ. *Caput. XII, fund. 2, 15—18. Cap. XVIII, fund. 5, 28 Caput. XIX, probl. 6.* Но особенно настойчиво и научно развита идея наглядности и твердо установленъ принципъ наглядности, какъ единственное основаніе элементарнаго обученія въ объясненіи къ *Orbis pictus*, помѣщенномъ въ *Opera didactica pars III, pag. 802—830.* „Янъ Амосъ Коменскій“ и его значеніе въ педагогикѣ статья С. П. Миропольскаго въ журналѣ М. Н. П. 1871 г. кн. 5, 6 и 7.

⁴) «Идеи и факты изъ исторіи педагогики» Журналъ М. Н. П. 1870 книг. 9 и 10—статья покойнаго П. Д. Юркевича, замѣчательная во многихъ отношеніяхъ, какъ все выходящее изъ подъ пера глубокомысленнаго и остроумнаго профессора, замѣчательная въ особенности меткой и блестящей оцѣнкой Коменскаго и преимущественно его *Orbis pictus*.

Коменскомъ, ⁵⁾ объяснимъ особенность основнаго взгляда, который мы хотѣли провести въ нашей статьѣ. Мы смотримъ на Коменскаго не только, какъ педагога теоретика, но и какъ дѣйствительнаго преобразователя Школы, педагога не только теоретически установившаго прищипы, но и реформировавшаго по этимъ началамъ школы почти всей западной Европы, создавшаго для этаго педагог. *руководства*, рядъ которыхъ представляетъ органически и постепенно опредѣляющійся ходъ развитія и приложенія къ жизни школы его педагогическихъ идей, изложенныхъ, теоретически *in abstracto* въ его великой т. е. общей дидактикѣ *Janua linguarum referata, orbis pictus* и другія классическія творенія, какъ практическія руководства таковы, что въ нихъ, по нашему мнѣнію, Коменскій выступаетъ рельефнѣе, какъ дѣйствительный новаторъ Европейской школы. Придавать же исключительное значеніе *Magna didactica* значить, по видимому, утверждать, что геній Коменскаго какъ бы истощался въ самомъ первомъ, хотя и геніальномъ, произведеніи, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, послѣдующій рядъ его педагог. твореній продолжаетъ дальнѣйшее и болѣе опредѣленное развитіе общихъ идей дидактики и ихъ практическую обработку и примѣненіе. Поэтому мы думаемъ, что значеніе Коменскаго состоитъ не въ однихъ геніальныхъ

---

⁵⁾ Мы готовы признать, что послѣ проницательной монографіи Раумера, послѣ прекрасной біографіи Коменскаго, написанной знаменитымъ Чешскимъ историографомъ Палацкимъ и капитальнаго въ нашей литературѣ изложенія и оцѣнки идей *didactica Magna* «въ указанной нами статьѣ о значеніи Коменскаго въ педагогикѣ и въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ статей, помѣщенныхъ въ «Семь и Школѣ» подъ заглавіемъ: «Народная Школа по идеямъ Коменскаго» и принадлежащихъ тому же автору, — едва ли можно сказать объ этомъ предметѣ что либо существенно новое.

положеніяхъ Magna didactica, но въ цѣломъ объемѣ его литературной—теоретической и практической дѣятельности на поприщѣ воспитанія. Кратко говоря, цѣль наша—представить біографическій очеркъ развитія преобразовательныхъ идей и плановъ Коменскаго въ примѣненіи къ школѣ и наукѣ о воспитаніи. Для этой цѣли мы пытались во первыхъ, предпославъ изображеніе школы, предшествовавшей реформѣ Коменскаго, обезпечить данныя, (правда скудныя) подготовившія въ этой личности великаго преобразователя, школы и системы воспитывающаго обученія; во вторыхъ, представили изложеніе основныхъ педагогическихъ идей его „великой дидактики, въ которой видимъ общую теорію воспитанія: согласно съ собственнымъ взглядомъ Коменскаго, на великую дидактику“, въ которой все выводится научно (a priori) т. е. изъ существенной, неизмѣнной природы вещей. Въ третьихъ обозрѣли послѣдующія его дидактическія творенія (классическія руководства) въ ихъ внутренней связи съ общею дидактикою, какъ дальнѣйшую, практическую обработку ея идей, ближайшую теорію непосредственной практики обученія, которая и сопровождаетъ и вызываетъ самое появленіе большей части изъ этихъ твореній. Въ заключеніе мы опредѣляемъ значеніе его педагогической реформы въ общемъ объемѣ и направленіи Европейской науки и культуры и коротко отмѣчаемъ смыслъ его теологической дѣятельности, представляющей лучшую характеристику личности Коменскаго, чловѣка всецѣло и истинно христіански-религіознаго.—Черта, опустивъ которую, мы не будемъ въ состояніи понять духъ и характеръ его педагогич. ученія и дѣятельности. Мы сознаемъ вполне, что далеко не выполнили своей задачи, какъ требуетъ важность предмета. Но сочтемъ себя вполне вознагражденными за свой трудъ, если что либо прибавимъ къ трудамъ другихъ болѣе насъ способныхъ изслѣ-

дователей о Коменскомъ, для уясненія нашему обществу значенія Коменскаго не только въ прошлой исторіи воспитанія, но и еще болѣе для современной и будущей школы, и если возбудимъ живой интересъ къ изданію на родномъ языкѣ, вслѣдъ за великою дидактикою, другихъ твореній Коменскаго изъ его драгоцѣннаго сокровища „*Opera didactica*„ изъ которыхъ многія были переведены (и издаются доселѣ) на всѣ Европейскіе и даже многіе азіатскіе языки, за исключеніемъ нашего Русскаго языка ⁶⁾. Не грѣхъ ли это—противъ истины и науки, противъ идеи славянства, наконецъ противъ народной школы и образованія! Въ этомъ внушеніи наше общество, кажется, особенно нуждается, когда требуется воздать должное своимъ—си. Мы только не давно вспомнили во благословеніи великихъ просвѣтителей Славянства—святыхъ Кирилла и Меѳодія. Пусть же не тяготеетъ надъ нами горькій Евангельскій укоръ: нѣсть пророкъ славень, точію въ племени своемъ.

§ 3. Впрочемъ самыя жаркіе поклонники Песталоцци все таки сознаются, что онъ былъ человѣкъ въ вдохновеннаго чутья, человѣкъ, на котораго находили вспышки проницательно-

---

⁶⁾ О *Janua linguarum* пишетъ самъ Коменскій, что она переведена была на двѣнадцать Европейскихъ языковъ: на латинскій, греческій, чешскій, польскій, нѣмецкій, шведскій, голландскій, англійскій, французскій, испанскій, италіанскій и венгерскій,—а изъ азіатскихъ—на арабскій, турецкій, персидскій, даже монгольскій, который понимаетъ вся Остъ—Индія. *Orbis pictus* послѣ перваго своего изданія спустя два года явился вторымъ изданіемъ а съ тѣхъ поръ, говоритъ Раумеръ, появлялся все вновь и вновь въ безчисленныхъ изданіяхъ до нынѣшняго дня Намъ пріятно замѣтить, что *orbis pictus* былъ переведенъ однажды давно при Екатеринѣ II и на Русскій языкъ для употребленія въ народныхъ училищахъ подъ заглавіемъ «зрѣлище вселенныя»—знаменительное явленіе на самой зарѣ нашей Русской народ. Школы.

сти, а не гений систематической мысли; что большею частию своей силы онъ былъ обязанъ не философски-обдуманнѣмъ планамъ культуры, но глубокой способности сочувствія, которая давала ему живое понятіе о дѣтскихъ потребностяхъ; но ему не доставало силы логически сопоставлять и разрабатывать истины, которыя онъ схватывалъ такимъ образомъ и поэтому-то онъ не оставилъ и не могъ создать такой системы, которая бы представила въ опредѣленныхъ чертахъ педагогическій идеалъ, которая бы научно разработала основные принципы и установила организацію воспитанія на всѣхъ ступеняхъ его, какъ нѣчто цѣльное, общее, соотвѣтствующее цѣльности человѣческой природы и общему назначенію человѣческой жизни. Между тѣмъ одинъ изъ самыхъ горячихъ и авторитетныхъ поклонниковъ и комментаторовъ Песталлоцци, анализируя развитіе педагогическихъ идей Коменскаго, высказывается невольно: „воспитательная система Коменскаго—это полное, хорошо обдуманное цѣлое, въ которомъ находимъ множество остроумныхъ наблюденій, тонкихъ указаній и цѣлесообразныхъ подробностей развитія,... потому что эта система выходитъ изъ здраваго полнаго созерцанія человѣческой природы, человѣческихъ отношеній и педагогическихъ задачъ: въ этомъ заключается вѣчное достоинство его педагогики. Поэтому, замѣчаетъ еще Шмидтъ, его педагогическая дѣятельность по величинѣ размѣровъ и вслѣдствіе цѣльности стремленій имѣла сильное вліяніе на позднѣйшія формы развитія“. Другой же болѣе безпристрастный и болѣе глубокой педагогическій нѣмецкій писатель Раумеръ говоритъ рѣшительнѣе, что вліяніе Коменскаго на позднѣйшихъ педагоговъ неизмѣримо.... У Руссо, Базедова, Песталлоцци мы находимъ, продолжаетъ онъ, много такого, что уже давно сказалъ Коменскій. „Коменскій, говоритъ тотъ же писатель, не принадлежитъ къ тѣмъ педагогамъ, которые хватаются

только за какія нибудь частныя мѣры, ожидаютъ всего спасенія отъ того или другаго учебнаго предмета, отъ той или другой педагогической методы; онъ былъ универсаленъ въ наилучшемъ смыслѣ этого слова... педагогическій идеаль его такъ совершенъ и полонъ, что все новѣйшія усовершенствованія воспитанія еще далеко не исполняютъ его“...

§ 4. Мы воспользовались этою общею параллелью между Коменскимъ и Песталоцци, къ невыгодѣ послѣдняго совѣмъ не изъ племеннаго славянофильскаго (какъ могутъ сказать намъ) мотива, но чтобы высказать съ первыхъ словъ возможно рельефнѣе ту точку зрѣнія, съ которой мы смотримъ на значеніе въ педагогической наукѣ Коменскаго, величественный и идеально—типическій образъ котораго, стоящій отъ насъ на болѣе отдаленномъ пространствѣ времени въ темной эпохѣ тридцатилѣтней войны, рисуется предъ современнымъ сознаніемъ не въ своемъ естественномъ размѣрѣ интеллектуальнаго колосса и заслоняется безъ сравненія меньшею по размѣру гениальности и по глубинѣ педагогическаго вліянія личностію, стоящею на болѣе близкомъ разстояніи и чувствомъ національнаго самолюбія поднятою на слишкомъ возвышенный пьедесталь.

§ 6. Но чтобы очертить колоссальную фигуру Коменскаго во всю ея величину, намъ нужно предварительно обозрѣть ту обстановку, ту почву, на которой стоялъ этотъ великій дѣятель и которую ему приходилось въ истинномъ смыслѣ слова культивировать, разработать и сдѣлать плодоносною. Мы знаемъ, кто называется въ Америкѣ колонистомъ „Дальнаго запада“, — это человекъ, который уходитъ далеко за границы поселеній, въ невѣдомыя пустыни, прокладываетъ дорогу среди болотъ и лѣсовъ, одинокій среди дикихъ звѣрей и дикарей очищаетъ землю отъ нихъ и открываетъ для

цивилизациі обширныя обильныя области. Таковъ былъ Коменскій. Его педагогическими идеями и трудами была открыта и очищена почва, на которой могла возникнуть современная педагогическая наука и все улучшенія въ искусствѣ обученія и воспитанія человѣка; о чѣмъ была школа, предшествовавшая и современная Коменскому? Какая педагогическая система заправляла ею? Каковъ былъ характеръ и методъ, обученія и воспитанія въ ней? Какіе результаты и плоды приносила она? „Мудро сказалъ тотъ, кто сказалъ, что школы суть *мастерскія гуминности*, ибо онѣ должны стараться, чтобы люди дѣйствительно становились людьми. А это совершится, если школы будутъ заботиться—образовать людей—мудрыхъ духомъ, разсудительныхъ въ поступкахъ, благочестивыхъ сердцемъ“. Таковъ идеаль школы, какъ представлялъ его реформаторъ ея Коменскій.

Въ основу европейской школы легли дѣйствительно истинно образовательные элементы: христіанскій и классическій о первоначально каждый изъ нихъ являлся по очереди преобладающимъ и слѣд. одностороннимъ элементомъ школьнаго образованія. Во времена господства Римскаго папизма школа по преимуществу была клерикальною; со времени же возрожденія классической науки, школа стала по преимуществу школою дѣха ученыхъ. Въ ту и другую, однакожъ, эпоху характеръ образованія, методъ обученія былъ одинъ и тотъ же—методъ схоластическій, формальный, механический, буквенный. Ибо какъ христіанство понято было только съ своей формальной стороны—*въ буквѣ* и потому породило безплодную, мертво—схоластическую теологию съ ея безконечными чисто словесными дефиниціями; такъ и все изученіе классической науки литературы въ сущности и преимущественно заключалось въ одномъ знаніи латинскаго языка въ *favi posse*. Въмѣсто того, чтобы

изучить жизнь, изучали только авторовъ; вмѣсто дѣйствительныхъ предметовъ учили слова, слова и слова. Такимъ образомъ, воспитательная система была совершеннымъ контрастомъ своему идеалу—воспитательной системѣ въ классическомъ мѣрѣ. Еще Монтэнъ съ удивительною силою и мѣткостью охарактеризовалъ этотъ чисто формальный методъ школьнаго обученія, этотъ чисто словесный, или лучше буквенный характеръ воспитанія и образованія въ школахъ, предшествовавшихъ воспитательной системѣ реформы Коменскаго. „При обыкновенномъ способѣ обученія... мы нагружаемъ только свою память, и оставляемъ пустыми умъ и сердце. Мы умѣемъ говорить: Цицеронъ сказалъ то-то, Платонъ сдѣлалъ это, слова Аристотеля таковы; но что мы говоримъ сами? какъ судимъ мы? что дѣлаемъ мы..? Мы слишкомъ полагаемся на чужія руки, а наши собственные становятся совершенно безсильными. Если я хочу побѣдить страхъ смерти; то я обращаюсь къ Сенека. Нужно ли мнѣ утѣшеніе для меня самаго или всякаго другаго, я ищу его въ Цицеронѣ“. Въ другомъ мѣстѣ Монтэнъ говоритъ:—Меня всегда поражало, что духъ, обогащенный множествомъ знаній, насколько не дѣлается отъ этого живѣе и дѣятельнѣе. Одна моя знакомая, когда рѣчь заходила объ этомъ, говаривала: кому приходится вмѣщать такъ много чужихъ, большихъ и сильныхъ умовъ, тотъ необходимо долженъ сдавить и стиснуть свой собственный мозгъ, чтобы дать имъ мѣсто. Объясняя это обстоятельство, Монтэнъ замѣчаетъ: Недостатокъ нашего воспитанія состоитъ не въ томъ, что насъ многому учать, а въ перевѣсѣ упражненій одной памяти... Но какая польза отъ знанія тому, у кого нѣтъ ума? А приглядитесь къ воспитаннику, когда отъ вернется домой, проведя многіе годы въ университетахъ. Вы тотъ часъ замѣтите, что ла-

тынъ и греческій языкъ сдѣлали его глупѣе, чѣмъ онъ былъ. Онъ долженъ бы былъ напитать свою душу, а онъ ее только нашпиговалъ... Монтэнъ ясно указываетъ причину такихъ результатовъ обученія школьнаго въ недостаткахъ рациональнаго метода обученія, характеризуя слѣдующимъ мѣткими чертами школьный методъ современнаго обученія: „Обыкновенно, учителя безъ умолку кричатъ имъ въ уши, будто въ воронку, въ которую нужно пропускать знанія; ученикамъ при этомъ не остается ничего болѣе, какъ повторять то, что имъ сказали... Спрашиваетъ ли ктонибудь своихъ учениковъ, какого они мнѣнія о риторикѣ, грамматикѣ, о томъ или другомъ изреченіи Цицерона? Все эти вещи намъ прямо вбиваютъ въ голову, какъ изреченія орacula, которыхъ вся сущность состоитъ *въ буквахъ и слогахъ*. Но знаніе наизусть не есть знаніе, а только удержаніе въ памяти того, что мы отдали ей на сохраненіе... Должно умѣть внушить жажду и страсть къ наукѣ: иначе мы воспитываемъ только навьюченнаго книгами осла, ударами плети мы гонимъ его, нагруженнаго мѣшкомъ знаній и хотимъ, чтобы онъ ничего не терялъ... Нынѣшнія воспитательныя заведенія истинныя тюрьмы для молодыхъ людей: ихъ дѣлаютъ тамъ лѣнивыми и безпутными, наказывая за лѣнь и безпутство прежде, чѣмъ у нихъ явились эти пороки. Превосходный способъ внушить охоту къ ученію нѣжной робкой душѣ дѣтской, ведя ее къ тому со страшнымъ, баровымъ лицомъ и съ плетью въ рукѣ!.. Такъ заканчиваетъ свою ѣдкую и саркастическую характеристику современной школьной дисциплины французъ Монтэнъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ педагогическихъ писателей, ближайшій предшественникъ Коменскаго, ясно видѣвшій язву школы, но ничего не сдѣлавшій для ихъ уврачеванія. Коменскій, съ высокимъ возрѣніемъ на школу котораго мы имѣли уж^е

случай познакомиться, представляет современную ему школу и школьное дѣло въ не менѣ мрачныхъ краскахъ и глубже проникаетъ въ самыя причины больныхъ мѣстъ школы. „До сихъ поръ, говоритъ онъ, мы не имѣли школы, которыя бы соотвѣтствовали своему назначенію, гдѣ бы учились все, всему, совершенно. До сихъ поръ школы не сдѣлались общимъ достояніемъ, а способъ преподаванія нисколько не привлекаетъ молодыхъ людей. Этотъ способъ преподаванія отвратительный, скучный, мрачный, такъ что школы эти скорѣе, смирительные дома для дѣтей, мѣста ужаса для талантовъ; естественно, что ученики, какъ можно скорѣе, покидаютъ ихъ, чтобы перейти въ мастерскія ремесленниковъ. Какой же успѣхъ достигается въ школахъ? Тѣмъ, что особенно слѣдовало бы воспитывать въ душахъ: нравственность и религіозность, тѣмъ-то именно пренебрегаютъ; отъ чего выходятъ изъ школы вмѣсто кроткихъ агнцевъ дикіе звѣри. Надъ тѣмъ, что въ теченіи одного года могло быть усвоено, ученикъ сидитъ пять, десять и болѣе лѣтъ. То, что съ легкостію могло быть внушено духу, то втискивается и вколачивается въ него. То, что могло быть наглядно представлено возрѣнію, сообщается въ темныхъ словахъ, какъ бы въ загадкахъ.“ Коменскій говоритъ также о чисто механическомъ, буквенномъ методѣ, господствовавшемъ въ школьномъ преподаваніи. Повсюду, говоритъ, преобладаетъ словесное знаніе, а не дѣйствительное „мнимое знаніе безъ знанія на самомъ дѣлѣ“, какъ сказала бы Сократъ. Въ самомъ дѣлѣ, до сего времени, продолжаетъ педагогъ реформаторъ, не старались о томъ, чтобы дѣти, подобно молодымъ деревьямъ, пускали отпрыски отъ собственнаго корня, помышляя лишь о томъ, чтобы обвѣшать дѣтей вѣточками, сорванными съ другихъ деревъ. Такимъ образомъ, школы учили юношей украшаться чужими

перьями на манеръ эзоповой вороны. Они показывали ученикамъ не самыя предметы, каковы они въ дѣйствительности; но сообщали имъ, что думалъ и писалъ объ этихъ предметахъ тотъ, другой, третій, десятый; такъ что считается доказательствомъ величайшей учености, если кто знаетъ противорѣчащія взгляды очень многихъ древнихъ писателей на очень многіе предметы. Отъ того большая часть занимается только тѣмъ, что извлекаетъ изъ авторовъ фразы, сентенціи и мнѣнія... Почти никто не преподаетъ физики путемъ наглядности и съ опытами, все объясняютъ по книгѣ Аристотеля, или чьей нибудь другой. Наши грамматическіе учебники содержатъ кучу правилъ и исключеній, подъ тяжестію которыхъ падаютъ дѣти;—такъ много лишняго приходитея имъ выучивать для того только, чтобы вскорѣ позабыть. „Обыкновенно въ школахъ словамъ учать прежде вещей, нѣсколько лѣтъ упражняютъ умъ въ словесныхъ искусствахъ, и только въ послѣдствіи, невѣдомо, впрочемъ, когда, — переходятъ къ дѣйствительнымъ знаніямъ. Да и обученіе языку начинается не съ избраннаго автора, а съ грамматики и лексикона. Коменскій также указываетъ, что главный предметъ обученія въ его время составлялъ латинскій языкъ, надъ которымъ просиживали отъ 15 до 20 лѣтъ и это ни къ чему не приводило. И у меня, заключаетъ свое изображеніе современной школы Коменскій, къ несчастію лучшіе мои юношескіе годы прошли въ бесполезномъ школьномъ ученіи. Ахъ, какъ часто, послѣ того, какъ захотѣлось мнѣ узнать лучшее, воспоминаніе о моей утраченной юности выжимало у меня слезы изъ глазъ;—какъ часто восклицалъ я въ порывѣ скорби:

„O mihi praeteritas referat si jupiter annos!“.

Мы старались изобразить состояніе современной Коменскому школы общими, но какъ полагаемъ, на столько релье-

ефными чертами, чтобы читатель могъ впоследствии видѣть всю оригинальность, и глубину реформы, произведенной педагогическою дѣятельностію и системою Коменскаго.

Чтобы не показалось сомнительнымъ, что характеристика эта обнимаетъ всю европейскую школу до Коменскаго, или лучше сказать самую систему воспитанія, а не уродливыя только отступленія отъ болѣе раціональнаго педагогическаго идеала, мы предѣляемъ идеальный, лучший типъ школы и школьнаго обученія, предшествовавшаго реформѣ Коменскаго.

Между педагогами XIV столѣтія, педагогами *гуманизма* первой эпохи, по справедливости считается знаменитостью первой величины Іоаннъ Штурмъ; такъ какъ съ него началось развитіе плана и цѣли классическаго гимназическаго обученія. Для Штурма педагогическій идеаль обученія былъ совершенное знаніе классическихъ языковъ, въ которыхъ онъ видѣлъ не просто только средство для пріобрѣтенія образованія,—но самостоятельную цѣль ученія, выражающуюся въ *favi posse*. И вотъ характеристическій образчикъ этого обученія, который мы заимствуемъ изъ Раумера. Перенесемъ съ живымъ интересомъ въ ту первую эпоху гуманизма и вообразимъ себя въ лучшей, Стразбургской гимназіи, процвѣтавшей подъ педагогическою инициативою знаменитаго гуманиста Іоанна Штурма. Мы присутствуемъ на экзаменѣ во всѣхъ классахъ гимназіи, начиная съ 10 (самаго низшаго) и переходя изъ класса въ классъ до 1-го (самаго высшаго); слѣд. мы имѣемъ полную возможность прослѣдить постепенный ходъ ученія, видѣть развитіе и осуществленіе педагогическаго идеала на всѣхъ его ступеняхъ и увидѣть въ очію воспитательную систему и методы преподаванія въ живыхъ, наглядныхъ формахъ.

Десятый классъ. Ученикъ 9-го класса экзаменуется уче-

ника 10-го класса. А. Что ты училъ въ 10-мъ классѣ? В. Азбуку, склады, читать и писать, потомъ все парадигмы существительныхъ и глаголовъ.—Прочти что нибудь изъ Neaniscis господина ректора. Neanisci были разговоры, со-державшіе въ себѣ выраженія и обороты, встрѣчаемые въ обыденной жизни.—An tu non es Lucius, socius studiorum meo-rum, qui modo a me eforo dissceseras?—Что значить socius?—Товарищъ.—Просклоняй socius.—Nis socius товарищъ, hujus socii et caet... et caet, et caetera. Что значить discedo?—Ухожу прочь.—Поспрягай discedo.—Indic. Discedo, discedis и такъ дал. и т. д.—Какого спряженія discedo?—Этого я не училъ.

Девятый классъ. Ученикъ 8-го класса экзаменуетъ ученика 9-го класса. Какого спряженія discedo?—В. Третьяго, потому что въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ ге имѣтъ краткое е, также, какъ и lego.—Какого generis discedo?—Generis neutrius.—Что такое verbum neutrum?—Neutrum есть и т. д...—Проспрягай discedo въ повелительномъ наклоненіи.—Discede tu и т. д...—Что еще ты училъ въ 9-мъ классѣ? еще переводилъ Neanisci господина ректора на нѣмецкій языкъ.—Переведи слова только что прочтеннаго діалога.—An tu non es Lucius—не ты ли тотъ Луціусъ,—и т. д.—Какая часть рѣчи modo?—Незнаю, въ нашемъ классѣ не учатъ indeclinabilia. (неизмѣняемы).

Восьмой классъ. Ученикъ 7-го класса экзаменуетъ ученика 8-го класса. А. Скажи мнѣ: какая часть рѣчи modo?—В. Adverbium temporis.—Что такое adverbium?—Несклоняемая часть рѣчи и т. д...—Сколько всехъ несклоняемыхъ частей рѣчи?—Четыре и т. д...—Что еще учили въ вашемъ классѣ?—Пространную этимологию, потомъ читали первую книгу избранныхъ посланій Цицерона, да 4-й діалогъ изъ Neaniscis. Прочти одно пись-

мо Цицерона.—Cicero filius Tironi T. S. D. Etsi justa et idonea usus es excusatione intermissionis et coet... Переведи то, что прочель.—Etsi usus es—хотя ты употребилъ,—excusatione justa idonea—справедливое и благовидное извиненіе и т. д. —Idonea—какая часть рѣчи?—Имя прилагательное, твор. надежа, еф. числа.—Какъ будетъ сравнительная степень?—Прибавляется magis: magis idoneus.

Седьмой классъ. Первый ученикъ 6-го класса экзаменуетъ ученика 7-го класса. А. По какому правилу говорятъ: idonea uti excusatione? В. Глаголы: utor, fruor, fungor и т. д. т. д...—Excusatione idonea?—Имена прилагательныя, мѣстоименія, причастія и т. д...—Excusatione intermissionis? Два существительныя, стоящія рядомъ и т. д... (Эти отвѣты начальныя слова правилъ синтаксиса.)—Что еще учили въ вашемъ классѣ?—Читали два діалога изъ Neaniscis, да вторую книгу избранныхъ писемъ Цицерона, да правила Катона.—Прочти изреченіе изъ Катона.—Disce aliquid, nam, cum subito fortuna recedit. Переведи это. Disce aliquid—научись чему нибудь,—nam, cum fortuna recedit—ибо, когда счастье отвернется и т. д.—Disce aliquid—по какому правилу? Глаголы дѣйствительныя, означающіе дѣйствіе и проч....—Cum subito recedit?—Нарѣчія присоединяются къ глаголамъ для показанія и т. д...—Прочти что нибудь по гречески.—Въ нашемъ классѣ по гречески не учать.

Шестой классъ. Ученикъ 5-го класса экзаменуетъ ученика 6-го класса. А. Прочти греческую басню Эзопа.—В. Ελαφος και Λεων. Просклоняй Ελαφος—Ο και η ελκφος и т. д. Что вы читали по латыни?—Двѣ послѣднія книги избранныхъ писемъ Цицерона, Andria Теренція, первый volumen poetisum, Syntaxis figurata. Прочти изъ пятой книги Triscium, Овидія.—Littora quot conchas, quot amoena rosaria flores et coet...—littora etc какая здѣсь конструкторія?—Здѣсь ζεῦμα,—

потому что глаголь согласуется съ ближайшимъ словомъ и т. д.—Какое различіе между ζεῦγμα и σύλληψις?—Въ силлиписѣ прилагательное и глаголь согласуются со словами, имѣющими преимущество, а въ зевгмѣ со словами ближайшими.—Conchas—какого количества первый слогъ?—Въ шестомъ классѣ не учать количества слоговъ.

Пятый классъ. Ученикъ 4-го класса экзаменуется ученика 5-го класса. А. Какого количества первый слогъ въ словѣ conchas?—Долгій по положенію:—положеніе есть и т. д.—Какого количества послѣдній слогъ въ словѣ littora?—Короткій по правилу и т. д...—Какая стопа будетъ littora?—Дактиль, въ которомъ первый слогъ долгій, а два послѣдніе короткіе.—Сколько всѣхъ родовъ стопъ? Три рода, именно: 2—сложныя, 3—сложныя и 4—сложныя.—Что составляется изъ стопъ?—Стихотвореніе, или стихъ.—Что такое стихъ?—Метрическое цѣлое, состоящее изъ стопъ.—Что же ты читаль по латыни?—Нѣкоторыя Цицероновы epistolae ad familiares, первую и вторую эклогу Виргилія, второй volumen poeticum.—Что ты читаль по гречески? Вторую часть Educatio linguae graecae. Проспрягай ἴστημι—и т. д. Проспрягай неправильный глаголь ἴστημι.—Не правильныхъ глаголовъ и аттическихъ tempora учитель не проходилъ въ 5-мъ классѣ.

Четвертый классъ. Первый ученикъ 3-го класса экзаменуется перваго ученика 4-го класса. А. Проспрягай ἴστημι.—В. ἴστημι, ἴστης и т. д.—Какъ будетъ средній залогъ?—ἴσταμαι, а въ слѣдствіе ерентhesis ἴσταμαι, оттуда ἐπίσταμαι, знаю.—Какихъ латинскихъ авторовъ тебѣ объясняли?—Эклоги Виргилія, нѣкоторыя оды Горация, вторую книгу Epistolae ad familiares и рѣчь pro Marco Marcello Цицерона.—Скажи чтонибудь изъ Горация?—Integer vitae saleris, quae purus non

egret.—Какой стихъ въ этой одѣ?—*Oikolos tetrastrophos* потому что здѣсь соединяются два стиха: сафическій пяти-стопный, къ которому принадлежатъ три первые стиха, эвдоническій двустопный, къ которому относится послѣдній стихъ. Эта ода *tetrastrophos*, потому что въ ней каждый разъ послѣ четвертаго стиха возвращается первый родъ стиха.—Знаешь ли ты тропы?—Нѣтъ, о нихъ учитель намъ ничего не говорилъ.

Третій классъ. Первый ученикъ 2-го класса экзамену-етъ перваго ученика 3-го класса.—А такъ какъ ты, *generosus domine*, учишь *figuras*, то скажи мнѣ что такое *figura*?—Фигура (по греч. *σμερα*) есть такая рѣчь, которая уклоняется отъ прямого и простаго способа выраженія.—Скажи чтонибудь изъ *Virgilia*.—Эпей молится *Аполлону*: *Phoebe, graves Trojae semper miserate labores*.—Можешь ли показать, что эти стихи написаны по правиламъ искусства?—*Magistri* роёсеосъ выставляютъ семнадцать условій (*accidentia*), которыя должны быть соблюдены въ каждомъ стихѣ: и я постараюсь доказать, что онѣ дѣйствительно соблюдены здѣсь поэтомъ. Стихъ дактилическій, какой и долженъ быть въ эпосѣ стопы: дактиль и спондей, какъ и требуется, въ сканси, цезурѣ и т. д. стихъ также согласенъ съ правилами искусства. Вижу, что *generosus dominus* понимаетъ дѣло, но сдѣлаю еще одинъ вопросъ: *Phoebe da Latio considerare Teucras*: будетъ ли это *pronunciatum dialecticum*?—Касательно этого *ex praescriptis dialecticis*, твое дѣло отвѣчать.

Второй классъ. Ученикъ 1-го высшаго класса экзамену-етъ ученика 2-го класса. А. Отвѣчай-ка ты, второклассникъ, на этотъ вопросъ: будетъ ли это *pronunciatum aut oratio dialectica*?—В. Нѣтъ, и это я докажу такимъ образомъ: *Pronunciatum* есть совершенная сентенція, состоящая изъ существительнаго и глагола, она бываетъ, или истинная или лож-

ная. Но сія рѣчь не такова, чтобы содержала въ себѣ истину, или ложь. Слѣд. она не есть *pronunciatum*.— По какому *locum dialecticum* и *qua ratione* ты это заключаешь? По *locum definitionis*, на основаніи котораго я рассуждаю такъ: къ чему не примѣняется опредѣленіе, къ тому не премѣняется и опредѣляемое. Но къ этой рѣчи опредѣленіе не примѣняется: слѣд. къ ней не можетъ относиться и *pronunciatum*.— Но справедливо и другое правило діалектики изъ однихъ отрицательныхъ предложеній нельзя вывести никакого заключенія. Твои предложенія отрицательны; слѣд. ты не имѣешь права дѣлать заключеніе.— Отвергаю меньшую посылку твоего доказательства, потому что мое второе предложеніе утвердительно *ἐκ μετὰδέσεως* и потому этотъ силлогизмъ остается твердъ и составленъ по *Ferio*.— Какъ ты думаешь, какой это силлогизмъ? аподиктический, или діалектический, или софистическій?— Думаю, что аподиктический; но если спросить подробнѣе изъ *apodictica doctrina*, или изъ *elenchis sophisticis*, то не могу отвѣчать, потому что этого во 2-мъ классѣ не проходятъ.

Первый классъ. Одинъ первокласникъ экзаменуетъ другаго. А. — Что такое аподиктический силлогизмъ?— Правильное и настоящее ученое умозаключеніе, основанное на необходимой связи. Ибо такъ говоритъ Аристотель: *ἀπόδειξιν λέγω συλλογισμόν ἐπίσημον ἢ ἀναγκαῖον*, какъ напр. всякая причина существуетъ прежде своего дѣйствія; восходъ солнца есть причина дня; слѣд. солнце восходитъ прежде, чѣмъ начинается день. Какое это доказательство? Доказательство совершенное, которое Аристотель называетъ *ἢ διότι*, ибо оно состоитъ изъ предложеній истинныхъ, первыхъ, непосредственныхъ и такихъ, которыя составляютъ причину заключенія и даютъ намъ знаніе аподиктическое.— Нѣтъ ли другаго рода доказатель-

ства? Есть, именно доказательство несовершенное *тв си*, когда умозаключеніе состоитъ не изъ первыхъ, или не посредственныхъ, но изъ посредственныхъ предложеній, или изъ отдаленнѣйшихъ причинъ и слѣдствій, какъ напр. Гдѣ день, тамъ взошло солнце, у насъ—день; слѣд. у насъ взошло солнце. Здѣсь доказательство сдѣлано *a posteriore*, такъ какъ отъ слѣдствія заключается къ причинѣ; ибо не день есть причина солнца, но восхожденіе послѣдняго есть причина перваго.—Такъ какъ ты утверждаешь, что солнце есть причина дня, то чтò, если я докажу, что у насъ день еще не наступилъ? Желалъ бы послушать, какъ ты это до кажешь.—Не справедливо ли, что существующее во Франкфуртѣ, не существуетъ у насъ, въ Страсбургѣ?—Такъ.—Но не правдали, что во Франкфуртѣ—уже день? Я думаю.—Слѣд. у насъ дня еще нѣтъ.—Отвергаю выводъ, потому что онъ *fallacia ab ignoratione elenchi ex modo septimo*: ибо не *πρός αὐτό*, но *πρός ἄλλο*. Большая посылка твоего доказательства взята въ одномъ смыслѣ, а меньшая въ другомъ; поэтому заключеніе твое неправильно.—Какъ вижу, ты учился и софистикѣ?—Дѣйствительно, я учился правиламъ софистики, составленнымъ для насъ наисленнѣйшимъ докторомъ Штурмомъ изъ *sophisticis elenchis* Аристотеля. Затѣмъ экзаменуемый разрѣшаетъ слѣдующіе два софизма, сдѣланные его оппонентомъ: „кто знаетъ софистику, тотъ старается ввести другихъ въ заблужденіе софизмами; ты говоришь, что знаешь софистику; слѣд: ты стараешься ввести меня въ заблужденіе софизмами. Кто имѣетъ пять пальцевъ, тотъ имѣетъ и три, и два, и всѣ пять пальцевъ; а кто имѣетъ три, два и пять, тотъ имѣетъ десять; слѣд: кто имѣетъ 5 пальцевъ на рукѣ, тотъ имѣетъ и 10 пальцевъ на той же рукѣ“. Пусть читатель не

забудеть, что мы присутствуемъ съ нимъ не на афинской площади во время разговора Сократа съ двумя братьями софистами, столь комически изображенными въ діалогической пародіи Платона на софистовъ, („Эвтидемъ“); но на экзаменѣ въ лучшемъ воспитательномъ заведеніи знаменитаго нѣмецкаго педагога гуманиста. Прислушаемся однакожъ: кажется, что въ вопросахъ и отвѣтахъ бесѣдующихъ питомцевъ пошла рѣчь не объ однихъ словахъ, какъ доселѣ, но и о дѣйствительныхъ предметахъ. Экзаменующій спрашиваетъ: „Что у васъ учили изъ математики?—Кромѣ арифметики, ученой во 2-мъ классѣ, проходили астрономію и нѣкоторыя положенія изъ первой книги элементовъ Эвклида. —Какимъ образомъ астрономы измѣряютъ первое движеніе—*primum motum*—неба? Посредствомъ 10 круговъ, именно: посредствомъ горизонта, меридіана, экватора, зодіака, 2 полюсовъ, 2 тропиковъ и 2 полярныхъ круговъ. Какъ называется первый кругъ?—Греки называютъ его *ὄριζων* отъ *ὀρίζεσθαι* ограничивать, латинское *finitor*. Къ чему служитъ горизонтъ?—Онъ дѣлитъ міровую сферу на верхнюю и нижнюю половину, а періодъ перваго движенія на дневную и ночную дугу. Что такое зодіакъ?—Зодіакъ, у Птолемея *κίχλος λόκος*, есть кругъ, описываемый теченіемъ солнца и другихъ планетъ. —Откуда онъ получилъ названіе?—Отъ животныхъ, которыхъ древніе изображали на его протяженіи. —Какія эти животныя?—Овенъ и т. д... —Какія изъ нихъ противоположны другъ другу?—Овенъ вѣсамъ, скорпіонъ—тельцу, близнецы—стрѣльцу, козерогъ—раку, дѣва—рыбамъ, водолей льву.—и т. д...

Оказывается, что мы ошиблись въ своемъ предположеніи. То, что, повидимому, носило имя реальнаго знанія и требовало при изученіи опытовъ, наблюденія, изслѣдованія дѣйствительныхъ предметовъ, на дѣлѣ оказывается знаніемъ и

изученіемъ не самаго предмета, а только названій, чисто словесныхъ опредѣленій, почерпнутыхъ изъ разныхъ сочиненій „древнихъ“, реальныя науки были въ то время---чисто словесная номенклатура. Это была астрономія безъ наблюденій, физика---безъ экспериментовъ. При этомъ не забудемъ самаго важнаго обстоятельства, именно, что весь прослушанный ими актъ экзамена. т. е. процессъ обученія производился отъ начала до конца на мертвомъ латинскомъ языкѣ. Читатель специалистъ учебно-воспитательнаго дѣла, и всякій живо заинтересованный „вопросомъ жизни“--о воспитаніи не посѣтуетъ на насъ за эту длинную выписку, представляющую художественное, типическое изображеніе школы и школьной системы, которая непосредственно предшествовала школьной реформѣ Коменскаго. Если такова была наилучшая школа, воспроизведенная во всемъ своемъ блескѣ, то легко себѣ представить, каковы были тѣ школы, которыя Коменскій называетъ смиренными домами, скорбными мѣстами для юношества и какъ онѣ безконечно далеки были отъ того идеала школы, по которому она должна быть матерскою истинной человѣчности, гдѣ духъ учениковъ проникается свѣтомъ мудрости, а сердце пріобрѣтаетъ гармонію съ собою, съ міромъ и съ Богомъ!

(Окончаніе будетъ).

О взаимныхъ отношеніяхъ членовъ причта между собою.

Взаимныя отношенія между собою членовъ причта заслуживаютъ болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ какое обращается на нихъ въ практической жизни нашего духовенства.

Сохранять всегда добрыя, мирныя отношенія—дѣло не такое легкое, какимъ оно могло-бы показаться съ перваго раза лицамъ, незнакомымъ съ бытомъ и обстановкой духовенства: при совмѣстномъ служеніи, при столкновеніи интересовъ трудно уберечься отъ непріятностей и размолвки. Тѣмъ не менѣе питать и поддерживать въ себѣ братское расположеніе и чувства къ своимъ сослужителямъ совершенно необходимо. Духовныя лица болѣе чѣмъ простой мірянинъ, имѣютъ побужденій къ соблюденію добрыхъ отношеній между собою. Во первыхъ, самое званіе внушаетъ духовнымъ лицамъ имѣть между собою согласіе и міръ: они служители того великаго Бога, который нѣсть Богъ нестроенія, но міра,—они—представители, въ предѣлахъ своего прихода, той религіи, въ которой взаимная любовь должна составлять отличительный признакъ ея послѣдователей, по намѣренію ея Божественнаго Основателя (Іоан. 13: 35). Названіе членовъ причта братією справедливо не только въ общехристіанскомъ смыслѣ; но и потому, что они, какъ соработники у Бога, по выраженію св. Апостола Павла, трудятся надъ дѣломъ Божиимъ, въ которомъ одни несутъ высшія обязанности служенія, а другіе—низшія. А тѣ и другія обязанности направлены къ одной цѣли—спасенію вѣрующихъ; ибо выразительное чтеніе и пѣніе, проникнутое теплымъ чувствомъ любви къ Богу также можетъ служить къ назиданію прихожанъ, какъ и одушевленное слово пастыря. Если къ кому, то именно къ этой братіи (членамъ клира) вполне приложимо то, что поетъ св. Давидъ о привлекательности и пріятности согласной жизни: се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ (Псал. 135с. 1). При враждебныхъ же отношеніяхъ между собою членовъ причта, не можетъ быть угоднымъ Богу и самое служеніе ихъ. Во вторыхъ, взаимнаго согласія и добрыхъ отношеній требуетъ отъ духовенства нравственная

польза его прихожанъ, (а служить духовнымъ интересамъ прихожанъ, по мѣрѣ силъ и умѣнья, составляетъ обязанность каждаго духовнаго лица). Духовенство занимаетъ въ приходѣ, если не первенствующее, то во всякомъ случаѣ видное мѣсто: по своему званію, общественному положенію, уровню образованія оно возвышается надъ массой. То, что Спаситель сказалъ объ Апостолахъ, сравнивъ ихъ съ стоящимъ на горѣ городомъ, который не можетъ укрыться отъ взоровъ людскихъ (Матѣ. 5: 14), въ нѣкоторомъ смыслѣ примѣнимо и къ чинамъ причта въ своемъ приходѣ: взоры общества устремлены на нихъ. Хотя ссора ограничивается и не большимъ кружкомъ духовенства, но съ нею трудно спрятаться отъ людскаго глаза. И съ какимъ бы нравственнымъ направленіемъ ни были прихожане, во всякомъ случаѣ несогласная, полная пререканій жизнь духовенства не можетъ вредно не отозваться на прихожанахъ: смотря по нравственному настроенію прихожанъ, такая неурядица между членами причта можетъ однихъ ввести въ соблазнъ, другимъ дать матерьялъ для пересудовъ и осужденія, въ третьихъ подорвать уваженіе къ мѣстному духовенству, — а послѣдствіемъ всего этого можетъ быть ослабленіе нравственнаго вліянія духовенства на прихожанъ своихъ. Наконецъ, взаимное согласіе и миръ не можетъ остаться безъ пользы и для самаго быта духовенства: живущіе въ добромъ согласіи могутъ при случаѣ оказывать другъ другу поддержку, если не матерьяльную, то нравственную, чего нельзя ожидать отъ тѣхъ, кого разъединила ссора. Если же простое согласіе причта и не расположитъ его къ услугамъ другъ другу и взаимной помощи, то, по крайней мѣрѣ, оно принесетъ съ собою спокойствіе духа (разумѣется, если не встрѣтится у каждаго лица другихъ постороннихъ причинъ,

нарушающихъ душевный покой),—и это не послѣднее благо. Чтобы справедливо оцѣнить выгоды согласной жизни причта стоитъ только противопоставить ей, для сравненія, послѣдствія непріязненныхъ отношеній. При частыхъ встрѣчахъ, сношеніяхъ по исправленію требъ и общихъ обязанностей званія, натянутыя отношенія между членами причта могутъ едѣлаться весьма тягостными, особенно для личностей съ незагрубѣвшей душою. Особенно не охотно идешь туда, гдѣ опасаясь почему—либо испытать непріятное чувство, по тойже причинѣ но могутъ нравиться и встрѣчи другъ съ другомъ духовныхъ лицъ, живущихъ не въ ладу. Но сношенія эти, какъ ихъ тамъ ни избѣгай, необходимы въ практикѣ духовенства. Кромѣ того, при знаніи членами причта взаимныхъ привычекъ, слабостей, характера, даже частнаго семейнаго образа жизни, не только неодобряемый строгою нравственностью поступокъ, но и не важный промахъ, который слѣдовало бы покрыть христіанскою снисходительностью, выставляется враждующею стороною напоказъ, иногда въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ; порою обыкновенныя дѣйствія, не заключающія въ себѣ ничего предосудительнаго, подъ вліяніемъ непріязненнаго чувства, перетолковываются въ худую сторону. А иногда доходитъ до того, что поссорившіеся стараются повредить другъ другу доносами начальству, содержаніе которыхъ подказано чувствомъ непріязни. Какія нравственные страданія и пытку долженъ бы, по видимому, причинять подобный образъ дѣйствій и отношеній живущимъ не въ ладу причтамъ! Но не смотря на изложенныя побудительныя причины къ сохраненію мира и дружелюбныхъ отношеній, не рѣдко между тѣми или другими членами причтовъ возникаетъ несогласіе, доходящее порою до вражды.

Причины непріязненныхъ отношеній между членами

причтовъ бываютъ разныя. Прежде всего, причины эти заключаются въ характерѣ, нравственныхъ качествахъ нѣкоторыхъ личностей изъ духовной среды. И вообще члены причтовъ, какъ дѣти не одной матери, по поговоркѣ, обладаютъ различными характерами, привычками, симпатіями, душевнымъ настроеніемъ; но при добрыхъ качествахъ сердца и характера, преобладающихъ надъ дурными свойствами, временная размолвка не нарушаетъ общей гармоніи отношений. Этимъ и объясняется то, почему многіе причты, не смотря на представляющіеся поводы къ столкновеніямъ, остаются между собою въ мирѣ, тогда какъ другіе, при такихъ же условіяхъ, затѣваютъ ссору и вступаютъ между собою въ борьбу. Вообще не всегда можно ожидать мирныхъ отношеній тамъ, гдѣ выдающейся нравственной чертой того или другаго лица является грубость нравовъ, неуваженіе къ старшимъ членамъ причта, склонность къ спорамъ и пререканіямъ за всякую мелочь, неуступчивость, заносчивость, или беспорядочный образъ жизни и вслѣдствіе того неисправность по должности, тяжесть которой должна ложиться на другихъ членовъ причта. Иногда отъ одного лица происходитъ нестроеніе въ цѣломъ составѣ причта; такъ-малъ квасъ все смѣшеніе квасить. Случается, что въ дѣлѣ непріязненныхъ отношеній (особенно между лицами, рваными по сану, напр. священниками) играетъ не послѣднюю роль такъ называемая амбиція. Иногда раздоръ начинается съ такихъ мелочей, которыя благоразуміе требовало бы оставить безъ вниманія, но къ этимъ мелочамъ примѣшивается затронутое самолюбіе, и вотъ нежеланіе уступить другъ другу, первымъ обратиться съ словомъ христіанскаго примѣренія, доводитъ стороны до полнаго отчужденія и вражды. Одною изъ самыхъ распространенныхъ причинъ раздора между духовен-

ствомъ надобно признать раздѣлъ доходовъ. Разумѣется, и тутъ не самый способъ раздѣла виновать, а причины нравственныя: зависть, недостатокъ добросовѣстности, честности, прямоты, вслѣдствіе чего и происходятъ порою захваты и присвоенія нѣкоторыми въ личную пользу того, что должно бы составлять собственность клира. Хотя способъ раздѣла и опредѣленъ закономъ, но все—таки практика представляетъ довольно просторное поле для пререканій между духовенствомъ изъ—за доходовъ. Напримѣръ, священникъ, получившій при погребеніи холеть отъ родныхъ усопшаго, за трудъ поминаенія новопреставленнаго, присвоитъ приношеніе себѣ одному, а остальные члены требуютъ раздѣла: вотъ и источникъ неудовольствія. Или кто либо изъ членовъ причта, получивъ вознагражденіе за потребу, отправленную прежде, удерживаетъ деньги въ свою пользу. Подобныхъ и еще болѣе мелочныхъ случаевъ, при дѣлежѣ, напримѣръ, сборовъ натурою, не мало. Совѣстно и говорить объ этомъ, но что дѣлать? Будемъ обнажать наши язвы, чтобы подвергать ихъ леченію. Если же мы будемъ прятаться съ своими нравственными недугами, то это—признакъ, что мы не желаемъ освободиться отъ нихъ.

Какъ уживаться членамъ причта другъ съ другомъ въ ладу и добромъ согласіи ¹⁾? Для сохраненія физическаго здоровья, медицинская наука предписываетъ прежде всего заботиться объ устраненіи окружающихъ насъ вредныхъ для

---

¹⁾ Мы не безъ цѣли и надобности назвали согласіе добрымъ; такъ какъ между членами причта бываетъ и злое согласіе, когда на примѣръ, общая страсть—склонность къ охмѣляющему напитку сближаетъ между собою двухъ лицъ, или когда весь причтъ соединяется въ общемъ намѣреніи увеличить свои матеріальныя средства путемъ вымогательствъ.

организма вліяній и за тѣмъ уже, въ случаѣ появляющагося болѣзненнаго разстройства тѣла, прибѣгаетъ къ леченію. Такого же порядка надобно держаться и въ дѣлѣ взаимныхъ отношеній: слѣдуетъ прилагать самую усердную заботливость о томъ, чтобы предупредить столкновенія и несогласія, которыя могутъ угрожать мирнымъ отношеніямъ, и за тѣмъ, велучаѣ возникшаго недоразумѣнія, о немедленномъ возобновленіи прерваннаго согласія. Многихъ поводовъ къ ссорѣ и неудовольствіямъ легко было бы избѣгать, если бы потрудиться усвоить себѣ поведеніе, характеръ и привычки, противоположные тѣмъ, которые служатъ причиною разлада. Качества эти со стороны священника—уваженіе къ правамъ и личности низшихъ членовъ клира, и вслѣдствіе того готовность къ немедленному удовлетворенію ихъ законныхъ претензій, обходительность въ обращеніи и отсутствіе суровости въ самыхъ справедливыхъ требованіяхъ,—со стороны низшихъ членовъ клира—почтительность къ священнику, какъ пастырю не только прихожанъ, но и причта, повиновеніе его законнымъ распоряженіямъ, съ той и другой стороны—добросовѣтность, честность, уступчивость²⁾. Безъ этихъ качествъ самыя, повидимому, мелочныя, не значащія случаи могутъ возбуждать противорѣчія и брань. Напримѣръ: одинъ священникъ неразъ, благословивъ начало утрени, за отсутствіемъ причетника еще не успѣвшаго прійти въ храмъ, посылалъ на клиросъ діакона для пѣнія предначинательнаго

---

²⁾ Замѣчаемыя иногда въ средѣ духовенства не совсѣмъ похвальныя черты нравовъ и не вполне одобрительныя качества сердца и характера надобно причислить къ недостаткамъ прежняго школьнаго воспитанія. Хотя, можетъ быть, и жизнь и окружающая среда не оставались безъ вліянія на развитіе дурныхъ сторонъ характера, но это вліяніе было бы слабѣе, если бы положены были добрыя задатки воспитанія въ школѣ. Авт.

псалма. Діакожь отвѣчалъ, что онъ будетъ пѣть псаломъ, предшествуя священнику со свѣчею въ рукѣ во время каждаго храма. Слово за слово и между служителями алтара завязывалась ссора, къ соблазну собиравшагося въ храмѣ для молитвы народа. Или-притчъ требуетъ раздѣла кружечныхъ доходовъ, для удовлетворенія нуждъ къ предстоящему празднику, а священникъ на неоднократно повторенное требованіе притча отвѣчаетъ отказомъ на томъ основаніи, что еще не наступилъ обычный срокъ дѣлежа — окончаніе мѣсяца; отсюда опять возникала ссора. Такъ какъ обыкновенно, послѣ подобныхъ случаевъ столкновенія, члены притча не заботятся о взаимномъ примиреніи; то охлажденіе и рознь съ каждымъ случаемъ ссоры усиливается. Что касается, въ частности, доходовъ духовенства, которые весьма нерѣдко служатъ источникомъ неудовольствія и ссоры; то, въ предупрежденіе непріятностей, необходимо наблюдать высшую степень справедливости въ ихъ распредѣленіи между членами притча ³⁾ На этомъ основаніи священникъ поступить весьма благоразумно, если, напримѣръ, не согласится обратиться въ свою личную пользу объщаемый ему одному прихожаниномъ за сватъбумѣшокъ хлѣба (сверхъ денежнаго вознагражденія, опускаемаго въ братскую кружку), хотя бы объщаніе такого приношенія было дано и въ отсутствіе другихъ членовъ притча. Вообще для предохраненія себя отъ

---

³⁾ Здѣсь разумѣются преимущественно приношенія натурою. Впрочемъ, пререканія могутъ быть и въ денежныхъ доходахъ, напримѣръ, за исповѣдь нижнихъ чиновъ (гдѣ они квартируютъ). По нашему мнѣнію, хотя вознагражденіе и присылается за «исповѣдь», но какъ низшіе чины възира не получаютъ при этомъ особаго вознагражденія отъ командира эскадрона или полка за свои труды, то деньги, адресуемыя «за исповѣдь нижнихъ чиновъ», слѣдовало бы опускать въ братскую кружку. Авт.

покушенія на присвоеніе чего-либо въ доходахъ, надобно всегда помнить, что всякій захватъ показываетъ нравственную низость души и обнаруживаетъ дурные инстинкты: жадность къ прибутку, чорствый эгоизмъ. Съ другой стороны, присвоеніемъ можно получить незначительный матерьяльный прибутокъ, но за то потерять расположеніе и довѣріе другихъ членовъ причта: такое приобрѣтеніе не вознаграждаетъ потери. По нашему убѣжденію, священнику лучше иногда поступиться хотя малымъ чѣмъ въ пользу причта, нежели присвоивать что-либо себѣ, съ лишеніемъ другихъ соответствующей доли приношенія. Блаженнѣе даяти, по слову Божію, нежели пріимати; во сколько же кратъ блаженнѣе давать, нежели отнимать, т. е. поступаться своимъ, чѣмъ удерживать чужое? Но кто не можетъ или не желаетъ жертвовать своимъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, можетъ не обращать въ свое исключительное пользованіе того, что должно быть достояніемъ цѣлаго причта. Иной священникъ удерживаетъ приношеніе подъ благовиднымъ, повидимому, предлогомъ, напримѣръ, потому, что треба совершена имъ однимъ, безъ участія другихъ членовъ причта, находившихся въ отпускѣ по сельско-хозяйственнымъ занятіямъ и другимъ надобностямъ. Мы думаемъ, что снисходительность къ нуждамъ, требующимъ иногда отлучекъ того или другаго члена причта, принадлежитъ къ похвальнымъ чертамъ характера священника, и выдѣляя слѣдующей части доходовъ отсутствовавшему при той или другой требѣ члену причта можетъ послужить къ предотвращенію ссоры, которую могло бы произвести удержаніе доходовъ. Въ положеніи о новомъ способѣ раздѣла доходовъ прямо сказано, что приношенія за требы, совершаемыя по принятому порядку священникомъ съ низшими чинами клира, составляютъ вознагражденіе причта въ цѣломъ его составѣ, хотя бы въ дѣйствительности кто-либо

изъ нихъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, иногда и не участвовалъ въ исправленіи подобной требы“⁴⁾).

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы, въ виду нѣкоторой обособленности духовенства отъ остальныхъ сословій и не всегда довѣрчивыхъ и доброжелательныхъ отношеній къ нему другихъ слоевъ нашего общества, согласіе и миръ не оставались для духовенства безплодными, но изъ области нравственной переходили въ жизнь, чтобы они по служили связующимъ звеномъ для нравственныхъ и матерьяльныхъ интересовъ причтовъ. Эта высшая цѣль миролюбивыхъ отношеній причта будетъ достигнута, когда между нами лица, болѣе другихъ богатые опытностью въ жизни, духовными дарованіями, вліяніемъ и значеніемъ въ обществѣ, въ случаѣ надобности, не будутъ оставлять своихъ собратьевъ поддержкою, совѣтомъ, указаніемъ, защитою отъ нареканій и злословія въ обществѣ и т. д. Въ наше время сильнѣе, чѣмъ когда либо должна чувствоваться потребность подобнаго сближенія духовенства. 1877 г. іюля 15. *Св. Д. К. — въ*

---

⁴⁾ Мы думаемъ, что причины отсутствія кого-либо изъ членовъ причта въ приведенномъ параграфѣ разумѣются уважительныя: такъ какъ случается, что иное духовное лицо не является къ участію въ требосправленіи по причинамъ, и незаслуживающимъ уваженія, напр. по нерадѣнію, лѣности, пьянству. Для подобныхъ личностей (если они не вразумляются напоминаніемъ о забытомъ ими долгѣ) удовлетвореніе доходами было бы побужденіемъ кочить въ своихъ дурныхъ привычкахъ. Авт.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

На представленіи одного изъ священниковъ Нижегородскаго уѣзда, о дозволеніи собирать народъ въ воскресные и праздничные дни и предлагать имъ религіозно-нравственные бесѣды, примѣняясь къ программѣ народныхъ училищъ и ведя бесѣды такимъ же образомъ, какъ онѣ ведутся священниками въ школахъ съ учениками, гдѣ можно, при объясненіи православнаго ученія Церкви, выяснять и ложныя и неправильныя ученія и толкованія раскольниковъ, и вести таковыя бесѣды не только въ селѣ, но и въ деревняхъ, если того пожелаютъ прихожане и будетъ къ тому возможность; въ случаѣ же отвлеченія священника отъ бесѣды какими либо экстренными случаями, замѣнять ему себя кѣмъ либо изъ членовъ причта, для прочтенія чего-либо, по указанію священника, изъ книги, — мѣстный преосвященный далъ слѣдующую резолюцію: „Призываю благословеніе Божіе на доброе дѣло и на заявившаго желаніе потрудиться; желалъ бы, чтобы во всѣхъ приходсахъ, или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ приходовъ, заведены были подобныя собесѣдованія“.

ОБЪЯВЛЕНІА.

РУССКОМУ НАРОДУ.

Свершилося! Русское войско, —
Не войско рабовъ, а народъ, —
На бой, на кровавыя битвы
Съ врагами славянства идетъ.
Что сердцу такъ страстно желалось,
Къ чему такъ стремилось оно,
За что ужъ почти изстрадалось,
Чего такъ просило давно —

Свершилось! Могучее слово
Изъ усть Миротворца-Царя
Сказалось... и тамъ, на Востокѣ,
Уже занялася заря—
Предвѣстница правды, свободы,
Конца тѣмъ страданьямъ людей,
Которыхъ ислама народы
Такъ душать для пользы своей.
Возстаньте же дѣти славянства!
Впередь его старшій народъ,
Который, пріявъ христіанство,
Къ нему же на помощь идетъ.
Тебѣ вѣдь знакома дорога
Туда, въ этотъ родственннй край,
Который трудомъ и свободой
Въ земной превратился бы рай,
Не скоро, но твердо, упорно,
Ты все подвигался впередь,
Хотя вся Европа задорно
Стремилась сдержать этотъ ходъ.
Давно ужъ мы всё порывались
На берегъ великой рѣки,
Гдѣ славой побѣдъ покрывались
Могучіе наши полки.
Дунай! твои мутныя волны
И дно, и твои берега
Насыщены русскою кровью,
Смѣшавшейся съ кровью врага.
Дай Богъ, чтобы нынѣ въ послѣдннй
Кровавый Россіи чередъ,
Обрѣлъ-бы свободу сосѣдннй,
Великій болгарскій народъ.
Иди! осуши его слезы!
Не Богъ ему далъ ихъ въ удѣлъ;

Исполни завѣтныя грезы
Того, кто такъ много терпѣлъ.
Приди! залечи его раны,
Прогнавъ его алчныхъ владыкъ!
Вѣдь гнать ихъ въ далекія страны
Изъ нашей земли ты привыкъ.
Гони, не жалѣй своей крови!
Не даромъ прольется она
И будетъ Всевышней рукою
Въ дѣянья добра зачтена.
Впередь! наше храброе войско,
Впередь! нашъ могучій солдатъ,
Ты чуешь, къ чему мы стремимся,
Ты празднику этому радъ.
Ведите его воеводы
На бой, онъ привыкъ умирать,
На бой за родные народы,
Которымъ нѣтъ мочи страдать.
Великая ждетъ васъ награда:
Луну замѣнивши крестомъ,
Молитва въ стѣнахъ Царяграда—
Во храмъ Софіи святомъ.
Народъ, твои жертвы велики:
Свои трудовые гроши
Ты жертвуешь тихо, безъ крика,
Но жертвуешь дружно, съ души.
Быть можетъ, пошлетъ испытанье
Премудрость Господня на насъ,
Какъ было въ минувшіе годы
Въ исторіи нашей не разъ.
Быть можетъ, возстанутъ и нынѣ
На насъ вѣковыя враги,
Но, помнишь, ихъ грозныя рати
Едва уязвить насъ могли.

Быть можетъ, въ припадкѣ безумья,
Они увлекутъ свой народъ
И двинуть тѣ грозныя рати;
Не падай, не гнись, но съ молитвой
Свершай свой обѣтъ до конца,
Ничтожны всѣ козни предъ силой
Божественной правды Творца.
Насъ много и съ нами народы,
Родныя для насъ племена,
Ихъ сила въ ихъ жаждѣ свободы,
А наша—за братьевъ война.
Исполни свое назначенье,
Завѣтныя думы свои,
Тобой да обрящутъ спасенье
Несчастные братья твои.
Не медли, не дай ихъ въ обиду
Другому славянства врагу,
Который давно уже точить
Коварную саблю свою.
Даруй имъ свободу и право
Устроить самимъ ихъ судьбу,
И тѣхъ не забудь, что вступали
Съ врагомъ непосильно въ борьбу.
Докончи великое дѣло,
Докончи вполнѣ, не сробѣй!
И нынѣ могуче и смѣло
Врага прогони—иль добей!

Н. А. Вроцкій.

Пожертвованія какъ деньгами, такъ и вещами просятъ присы-
лать въ Славянское Благотворительное Общество въ Петербургъ,
помѣщающееся противъ Александринскаго театра, въ домъ Русскаго
Музыкальнаго Общества.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЦЕРКОВНАГО ВѢСТНИКА

Продолжается подписка на „Церковный Вѣстникъ“ (официальный органъ Святѣйшаго Всероссійскаго Синода и сосгоящихъ при ономъ центральныхъ учреждений) и на „Христіанское Чтеніе“ 1877 года.

Цѣна за 51 номеръ „Церковнаго Вѣстника“ съ книжками прибавленій, т. е. „Христіанскаго Чтенія“ (всего болѣе 250 печатныхъ листовъ)—7 руб. съ пересылкою и доставкою.

Отдѣльно: Еженедѣльное изданіе съ пересылкою и доставкою—5 руб.; двѣнадцать книжекъ „Прибавленій“ съ пересылкою и доставкою— тоже 5 руб.

Выписывающіе получаютъ всѣ номера журнала и прибавленій начиная съ перваго.

Открыта подписка на второе полугодіе—на ОДИНЪ „Церковный Вѣстникъ“. Цѣна за 26 номеровъ втораго полугодія—ТРИ РУБЛЯ съ пересылкою.

ЗА ПРОШЛЫЕ 1875 И 1876 ГОДЫ

существуютъ въ запасѣ полные экземпляры

„ЦЕРКОВНАГО ВѢСТНИКА“

и

„ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ.“

Выписывающіе оба изданія за эти годы вмѣстѣ платятъ: за каждое годовое изданіе вмѣсто семи—5 руб. и съ пересылкою, отдѣльно каждое—вмѣсто пяти по 3 три руб. съ пересылкою. Адресоваться въ редакцію при с.-петербургской духовной академіи.

1876 года Мая 15 дня Ректоръ Ворон. дух. семинаріи, преподаватели и Экономъ постановили жертвовать 2% изъ получаемаго ими жалованья въ пользу семействъ убитыхъ въ сраженіяхъ воиновъ, на все продолженіе войны, и жертвуемую сумму представлять въ мѣстное отдѣленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

ОТЪ СОВѢТА ВОРОНЕЖСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА,

Совѣтъ училища долѣ имѣть извѣстить родителей, опекуновъ и попечителей двѣицъ духовнаго званія, ходатайствующихъ о принятіи сихъ послѣднихъ въ наступающемъ учебномъ году въ училище, какъ на полное училищное содержаніе, такъ и въ число своекоштныхъ, — что 1.) при нѣкоторыхъ прошеніяхъ сиротскихъ не приложено документовъ, необходимыхъ для уясненія семейнаго положенія той или другой сироты, т. е. благочинническаго свидѣтельства, при другихъ же нѣтъ метрическихъ свидѣтельствъ о лѣтахъ дѣтей, каковыя документы Совѣтъ просить доставить непременно къ началу экзаменовъ; упущеніе это со стороны просителей каждый разъ поставляло училищное начальство въ немалое затрудненіе, а иногда и въ ошибки при замѣщеніи казеннокоштныхъ вакансій, такъ какъ просящихся на казенное содержаніе всегда бываетъ вдвое болѣе той нормы, которая опредѣлена обще-епархіальнымъ съѣздомъ, (число вакансій 20, а прошеній въ нынѣшнемъ году 40).

2.) Совѣтъ училища, не имѣя возможности удовлетворить просьбы всѣхъ (40) сиротъ принятіемъ ихъ на казенное содержаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, желая соблюсти строгую справедливость, въ семь случаѣ всегда держался, какъ и теперь, слѣдующаго порядка, именно: къ 1-й категоріи имѣющихъ право на казенное содержаніе причислялись круглыя сироты, коихъ нынѣ 8-мь—а.) Ольга Дикарева, дочь умершаго Священника бывшаго города Палатова Бирюченскаго уѣзда, Сергія, б.) Зиновія Голубятникова д. умершаго причетника села Троицкаго юрта Новохоперскаго у. Василя; в.) Евдокія

Дикарева д. умершаго Священника сл. Криничной Острогожскаго уѣзда, Іоанна, г.) Анастасія Владимірова, д. умерш. Священника села Ертила Бобр. у. Михаила; д.) Елена Дикарева, д. умерш. причетника села Капанной Бирюч. у. Василія; е.) Анна Носова, д. умерш. Діакона сл. Успенской Бирюч. у. Димитрія; ж.) Анна Трофимова, д. умерш. Діакона сл. Алексѣевки Бирюч. у. Іоанна, и з.) Анна Смѣльская, д. умерш. Діакона сл. Старой Мѣловой Богучарск. у. Стефана.

Ко 2-й категоріи—сироты, имѣющія многосемейныхъ матерей и дѣти, имѣющія многосемейныхъ и бѣдныхъ родителей, коихъ 6-ть, именно: а.) Варвара Голубятникова, д. умерш. Священ. с. Боева Воронеж. у. Георгія, въ семействѣ жена и 7 дѣтей, б.) Александра Снѣсарева, д. умерш. Священника сл. Селивановой Воронеж. у. Ипатія, въ семействѣ коего жена и 7 дѣтей в.) Варвара Раевская, д. умершаго Священника с. Семидесятнаго Нижнедѣвицкаго у. Василія, въ семействѣ коего жена и 5 дѣтей; г.) Александра Минина, д. умерш. Священ. сл. Щербаковой Бирюч. у. Андрея, въ семействѣ коего жена и 5 дѣтей: д.) Ольга, или Анна Путилины—дѣти Діакона села Козловки Бобров. у. Николая, имѣющаго жену и 7 душъ дѣтей и е.) Анна Ѳедорова, д. причетника бывшаго города Усерда Бирючен. у. Павла, въ семействѣ котораго жена и 8-мь душъ дѣтей. Сироты и дѣти вышеназванныхъ двухъ категорій, въ числѣ 14-ти человекъ, если онѣ выдержатъ вполнѣ удовлетворительный экзаменъ, предпочтительно предъ другими будутъ приняты на казенное содержаніе; затѣмъ остальные 6-ть вакансій будутъ замѣщены тѣми изъ 26-ти сиротъ, кои получаютъ на приѣмномъ испытаніи лучшіе баллы; если же по экзаменѣ окажется болѣе 6-ти дѣвочекъ, имѣющихъ равносильные, вполнѣ удовлетворительные баллы, то приѣмъ ихъ разрѣшится жребіемъ; 3.) Начало приѣмныхъ испытаній для вновь поступающихъ въ училище назначается съ 16 числа будущаго Августа; къ экзамену допущены будутъ всѣ дѣти, о принятіи коихъ въ училище поданы прошенія.

СТРАХОВАНИЕ

Билетовъ 1-го 2-го съ выигрышами займовъ по 35 коп.

ВЪ МАГАЗИНѢ

Э. Ф. ГАУСМАНЪ

На большой Дворянской улицѣ въ домѣ Ф. Ф. Бухонова, близъ Театра.

Въ Павловскомъ Училищѣ имѣются двѣ свободныя учительскія вакансіи: одна по Географіи и одна по Латинскому языку въ 1-мъ и 4-мъ классахъ.

Желющіе занять оныя имѣють явиться, для держанія пробныхъ лекцій, къ 20-му Августа.

СОДЕРЖАНІЕ — Славянинъ Амосъ Коменскій, — какъ реформаторъ Европейской школы, и его «*opera didactica*». — О взаимныхъ отношеніяхъ членовъ причта между собою. — Разныя Извѣстія и Замѣтки — Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *Димитрій Пивницкій*.

Печ. дозв. Цензоръ Магистръ Протоіерей *П. Палицынъ*. Августа 1 дня 1877 г.

Воронежъ. Въ типографіи В. И. Исаева.